

Разговор по душам

— Ну и сука же эта Первенцева. Вроде бы красивая баба, а ведет себя как последняя стерва. Я, недавно, нашу красавицу химичку Лидочку Осмоловскую, во время окна между уроками, прижал в учительской, и вижу, что хочет, готова дать, а тут вдруг врывается Людка Первенцева, и давай меня срамить перед девкой. Мол я бабник, распутник первостатейный, блядун, на котором клейма ставить негде и, вообще, с кем ты Лида связываешься, ведь он же не мужчина, а совершенное говно. Ну я, само собой разумеется, вспылел, какое ты имеешь право поносить меня перед девушкой? Так она смерила меня взглядом, презрительно хмыкнула и сказала... В общем, гадость про меня сказала. А Лидка, с тех пор, стала сторониться меня. А? Каково это? Ну скажи мне Паша?

В их родном педагогическом коллективе у Павла была устойчивая слава неотразимого обольстителя и завзятого юбочника. Зная об этой славе, надеясь на мужскую солидарность, жалующийся на Первенцеву, Родька надеялся, что он отомстит насолившей всем неприступной Людмиле.

Честно говоря, она тоже не слишком нравилась ему, но, поскольку, их пути почти не перекрещивались, отношения между ними, оставались до сих пор нейтрально безразличными. Людмила избегала конфликтов с ним, по пустякам тоже зря не задевала, за что он даже уважал ее, а за служебные разногласия, не мешая апельсины с макаронами, он не обижался на нее. Чего только не случается между коллегами на работе? Не отравлять же за это жизнь коллеги по цеху?

— Да ты просто нравишься ей, вот она и отшивает от тебя потенциальных соперниц, — внутренне ухмыляясь, заметил Павел, хотя внешне невзрачный Родька, мог нравиться женщинам обладающим очень плохим зрением, или в темноте.

Он отлично знал, почему Лида связалась с ним. Она думала, что узнав об этом, он станет ревновать ее к Родьке, станет выяснять с ней личные отношения, и они снова помирятся. Да пусть она спит с кем угодно, хоть со всеми мужиками сразу, он будет лишь рад этому. Тогда она, может быть, от него наконец отстанет.

Он купился на ее соблазнительную внешность. Заметив ее интерес, он напросился к ней в гости и они провели безумно приятный вечер, с вином, поцелуями, небольшой борьбой и ее капитуляцией, затем громкие скрипы кровати, ее лежащие у него на плечах ноги и протяжные стоны наслаждения. Оставив ее, он вышел в зад и приоткрыв дверь на балкон, сев в кресло, с наслаждением затянулся дымком сигареты.

Возле кресла валялся пухлый альбом с фотографиями. Машинально взяв его он раскрыл и увидел ее в знакомой позе, с ногами на плечах, под множеством разных мужчин. Его даже замутило от отвращения к ней. Вот это он попал! Да она же настоящая проститутка! В ее сластолюбивой половой щели, судя по этим фотографиям, побывало мужских членов, не меньше, чем у профессиональной шлюхи. Хоть бы прятала дурища свой альбом, что ли.

Быстро одевшись, он не прощаясь покинул ее, оставив на виду десяток развернутых веером фотографий, на которых она была запечатлена в откровенных позах, с любовниками.

Вспомнив это, он с жалостью посмотрел на огорченную физиономию Родьки. Начни он рассказывать ему, что за штучка эта Лидочка, так ведь не поверит дурачок, подумает что из

зависти к нему клевету на честную, хорошую девушку. Но, попытаться следует. Родька все-таки парень неплохой. Не виноват же он, что бог не дал ему яркую внешность, а к ней, чуточку ума.

— Ты знаешь, у Лиды есть очень любопытный альбом. Там такие картинки, увидишь, у тебя сразу трусы задымятся. Ты ее попроси показать. Скажи Рома посоветовал посмотреть. Уверяю тебя, ты не пожалеешь. Заводящий альбомчик.

Родька, насторожился. Что еще за альбом? И с чего это Пашка предлагает ему посмотреть его?

— А ты откуда знаешь про ее альбом? Уже успел побывать в ее постели? Небось соблазнил и бросил, а сейчас хочешь наговорить мне про нее гадостей?

— погоди! погоди! Не кипятись. Я буду только лишь рад, если между Вами завяжется что-то серьезное. Честное слово, буду рад. Искренне желаю тебе успеха!

Родька с подозрением посмотрел на него. Он не мог понять, как можно отказаться от соблазнительной красавицы Лидочки. Нет, здесь, что-то не так. Пашка явно темнит, пудрит ему мозги, а сам, наверное, имеет на ее счет собственные планы.

Когда прозвенел звонок и все разошлись по классам, он остался с Первенцевой наедине. Склонившись над тетрадами, она с преувеличенным усердием правила их, но он видел ее розовеющую щеку и нервный трепет длинных ресниц.

Между ними уже давно витало нечто, заставляющее ее краснеть в его присутствии, а его сердце неровно биться.

— Маринцев жаловался на Вас. — непонятно для чего, сообщил он. — Зачем Вы дразните его?

— Я, дразню его? Вот еще! — возмущенно откликнулась она. — Много ему будет чести!

— Люда, а что Вы думаете обо мне?

Она покраснела и низко склонив голову, едва слышно ответила: — «Ничего».

— А вот я о Вас думаю постоянно.

— Прошу Вас, не надо об этом Павел. Не начинайте снова этот неприятный для меня разговор.

— Значит, ты имеешь обо мне плохое мнение, — заключил он.

— Совсем, нет. Даже, наоборот! — поспешно возразила она. — У меня о Вас, очень хорошее мнение!

— Люда, значит ты, все же, думала обо мне?

— Паша, прошу тебя, давай не будем продолжать этот разговор.

— Ты боишься меня?

— Нет. Просто я не собираюсь обсуждать эту тему, Павел Сергеевич.

— Люда, здесь, в самом деле, не слишком подходящее место для серьезного разговора, поэтому разреши мне придти к тебе вечером в гости.

— Только не это! Я не разрешаю!

— Я, приду в девять, — не слушая ее возражений, сообщил он.

— Лучше, в восемь, но я не приглашаю тебя.

— Я приду без твоего приглашения.

Людмила была очень нарядна. Миленький домашний халат, с трудом охватывающий ее выпуклое тело, подчеркивал гармоничность ее форм, женственность чуточку располневших бедер. Глядя на ее соблазнительно обширный зад, обтянутый халатом так туго, что под ним

проступала впадина между ее ягодицами, он довольно ухмыльнулся. Вот и пойми после этого женщину, говорила, что не желает видеть его, а сама оделась так, что соблазнит самого равнодушного к женским прелестям мужчину. Она словно задалась целью во что бы то не стало совратить его.

— Люда, спасибо, что любезно впустила меня, — склоняясь над ее рукой, поблагодарил он. Вздрогнув от прикосновения его губ к ладони, она порозовела.

— Не прогонять же тебя назад, раз пришел.

— Вижу, ты подготовилась к встрече?

Она мельком посмотрела на себя и перехватив его вспыхнувший взгляд устремленный на ее обнажившуюся ногу, поспешно поправила раздвинувшиеся полы халата.

— Это домашняя форма моей повседневной одежды.

Он хотел возразить, что в другое время она вряд ли носит под халатом кружевное итальянское белье, которое заметил на ней, но не желая ее лишний раз возмущать, предусмотрительно промолчал.

— Я, собиралась поужинать, не желаешь ли поужинать со мной?

— Если бы у тебя было и вино, я бы с удовольствием поужинал с тобой за общим столом. Хотя я, предусмотрел это и на всякий случай, захватил его с собой, — протягивая ей пакет, произнес он.

— Проходите в зал. Я пока, разогрею ужин.

— Не надо. Давай посидим за бутылочкой вина. В пакете есть фрукты.

— Хорошо. Немного погоди, я сейчас все принесу.

У Людмилы бывать ему не доводилось. Ее маленькая квартира была уютно, со вкусом обставлена. Было заметно, что хозяйке нравится жить в ней. Особенно уютной была ее красиво убранная, широкая и удобная кровать.

Сев в кресло, он осмотрелся еще раз. Хорошо, у нее здесь. Спокойно, приятно.

Увидев появившуюся Людмилу, он с одобрением сказал ей об этом.

— Спасибо. Мне тоже здесь нравится.

— Это заметно. Особенно, мне понравилась твоя кровать.

— Это что, намек? — Смущенно спросила она.

Он заметил, что его замечание не вызвало у нее отрицательных эмоций.

— Нет. Я открыто говорю, что надеюсь на нечто приятное.

— Паша, но ведь мы с тобой практически незнакомы.

— Так что же из того? Мне например достаточно одного взгляда, чтобы понять, нравится мне тот или иной человек, или я к нему испытываю антипатию. Ты мне нравишься.

— Я так не умею. Мне надо присмотреться, подумать, пообщаться, а уж после этого, начинаю составлять о нем свое мнение.

— И, при этом, часто ошибаться, — дополнил он. — Если знакомый тебе человек, хороший артист, он безупречно разыграет перед тобой роль честного и чистого человека. Хотя он внутри, негодяй и проходимец, но ослепленная его блеском, ты не заметишь этого. И обожжешь себе крылышки. Я, прав?

— Да, ты прав. К сожалению, мне это тоже знакомо. Ошибаться в людях очень легко.

— Я никого, кроме себя не разыгрываю перед тобой Люда. Я не стремлюсь казаться хорошим, но и плохим в твоих глазах выглядеть тоже не хочу, потому что я не плохой.

— Тогда, какой же ты, Паша?

— Именно такой человек, которого, ты сейчас видишь. Не хуже, не лучше. Обыкновенный средне статистический мужик.

— Я вижу, у тебя явно заниженная самооценка.

— Ты не согласна со мной, значит, ты все-таки иногда думаешь обо мне?

Она посмотрела на него.

— Конечно я думаю, о тебе Паша. О ком же мне думать, если ты единственный симпатичный мужчина в нашем почти стопроцентно женском педагогическом коллективе? Кстати, ты можешь открыть свой секрет, что у тебя было с Осмоловской?

— Позволь мне не отвечать на этот вопрос.

— Паша, я хочу знать, что между Вами было? Ведь было? Это ты не станешь отрицать?

— Было. Ничего не подозревая, я попал в такую грязь, что мне стало противно. В общем, сейчас, я всячески избегаю ее.

— Ты вероятно видел ее альбом?

— Значит ты тоже видела его?

— Лида изрядно приняла спиртного и стала хвастаться передо мной своими любовными подвигами. Меня ужаснула ее крайняя развращенность. Ведь она гордится обширностью списка своих любовников. И это поведение педагога, который обязан прививать у своих учеников возвышенные моральные воззрения. Кошмар!

— Знаешь Люда, я не ангел, нормальный мужчина, не упускающий удачной возможности приволокнуться за хорошенькими женщинами, но, когда я увидел этот эротический альбом, мне стало ужасно противно, что я тоже попал в огромный круг ее сексуальных партнеров. Я слишком самолюбив, чтобы быть одним из многих ее любовников.

— Паша, я тоже конечно не девушка. В этом нет никакого секрета и я готова встречаться с тобой, но я тоже предпочитаю чтобы мой мужчина принадлежал только лишь мне и больше ни кому. Если ты согласен с этим, ты можешь рассчитывать на мое согласие стать твоей возлюбленной.

— Люда, конечно же я согласен с этим. Давай, выпьем за это.

Они чокнулись и выпили. Придвинувшись к ней, он осторожно обнял ее и положив ладони на упругие округлости ее груди, крепко поцеловал ее.

Бурно дыша, она посмотрела ему в глаза.

— Немного посиди и приходи ко мне в спальню.

— Я потерплю Людочка.

Они недолго пробыли любовниками. Спустя пол года, беременная Людмила вышла за него замуж.

8 мая 2006 г.

E-mail автора: Severin809@rambler.ru